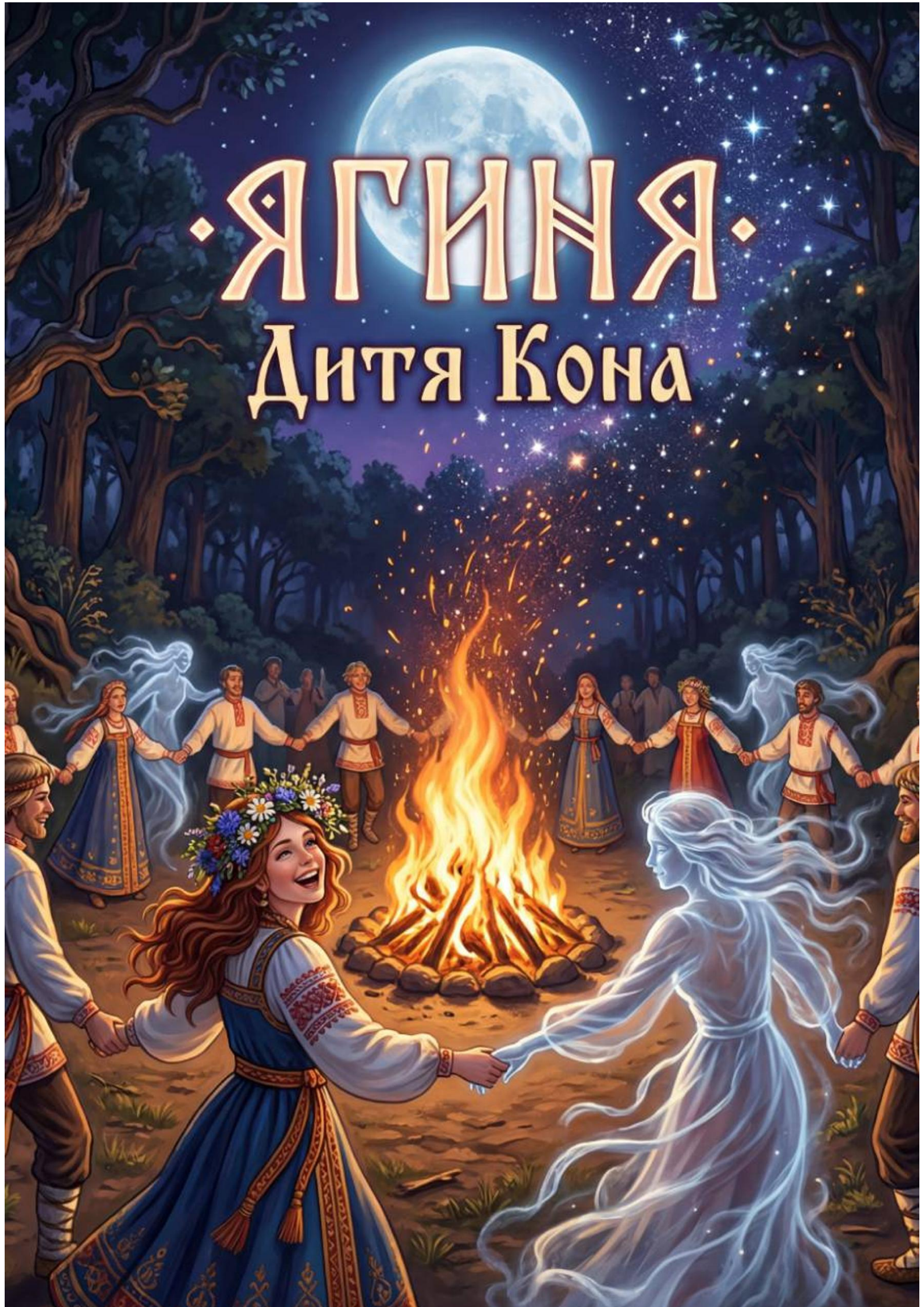

ЯГИНЯ

Дитя Кона

Николай Чухломин
Ягиня. Дитя Кона.

«Автор»

2026

Чухломин Н.

Ягиня. Дитя Кона. / Н. Чухломин — «Автор», 2026

Она родилась в ночь летнего солнцестояния, когда птицы поют даже в полночь. Повитуха говорила, что младенец не закричал — просто открыл глаза и посмотрел. И в этом взгляде было что-то древнее. Ягинка не играет в куклы. Не мечтает о замужестве. Она сидит у ручья и слушает воду. Она видит нити, связующие всё живое, и понимает: у мира есть правила. Кон. Их нельзя нарушить. Их можно только постичь. Старая ведунья становится её первой наставницей. Лесной дух открывает ей закон равновесия. Странствующий волхв учит закону нитей. Но главные уроки Ягиня получает от жизни — теряя близких, отказываясь от любви, постигая правду через боль. Она пройдёт долгий путь, прежде чем станет той, кого назовут Хранительницей. Построит избушку у Калинова ручья. Встретит Ладимира и Яромилу. Подарит им Семистрел. И начнёт прясть нить памяти того, кто вернётся через века. История о том, как рождается мудрость. О девочке, которая стала легендой.

© Чухломин Н., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог	5
Глава 1. Тихая	6
Глава 2. Первая нить	9
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Николай Чухломин

Ягиня. Дитя Кона.

Пролог

Она родилась в ночь летнего солнцестояния, когда небо над лесом не темнеет до самого утра, а птицы поют даже в полночь. Повитуха, принимавшая роды, потом говорила, что младенец не закричал — он просто открыл глаза и посмотрел. И в этом взгляде, говорила она, было что-то древнее. Что-то, чего она не могла объяснить.

Мать назвала её Ягинкой. «Ягода», — сказала она. — «Маленькая, сладкая, лесная». Отец хмыкнул: «Скорее уж Ягуся. Тихая, как вода в ручье. Посмотрим, что из неё вырастет».

Никто тогда не знал, что из неё вырастет Хранительница.

Глава 1. Тихая

В которой Ягинке пять лет, она впервые уходит к ручью одна, а мир вокруг неё живёт своей обычной жизнью

Лето в тот год выдалось жарким и долгим.

Солнце висело над лесом с утра до позднего вечера, заливая всё вокруг золотистым, густым, как мёд, светом. Травы на лугу поднялись в человеческий рост, и ветер гнал по ним волны — серебристые, шуршащие, бесконечные. Пахло мятой, зверобоем и нагретой на солнце землёй. В воздухе стоял ровный, убаюкивающий гул — пчёлы и шмели трудились с рассвета до заката, собирая взятки с поздних цветов.

Деревня, в которой жила Ягинка, была небольшой — дворов десять, не больше. Избы, крытые потемневшей от времени дранкой, жались друг к другу, как грибы-опята на старом пне. За околицей сразу начинался лес — густой, смешанный: ели вперемешку с берёзами и осинами. Чуть дальше, в низине, тёк ручей — не широкий, но быстрый и холодный даже в самую жару.

Ягинке было пять лет.

Она сидела на берегу ручья одна. Впервые в жизни — одна.

Ещё вчера она никогда не уходила со двора без матери. Деревенские дети бегали к ручью гурьбой, с ведрами и удочками, но Ягинка с ними не ходила. Она вообще редко играла с другими детьми — не потому что её не звали, а потому что она не понимала, зачем бегать и кричать, когда можно просто сидеть и смотреть.

Но сегодня утром что-то изменилось. Она проснулась рано, когда мать ещё топила печь, а отец ушёл в лес затемно. Выскользнула за дверь, прошла через двор, мимо курятника, мимо бани, через покосившуюся калитку. Никто её не окликнул. Никто не заметил.

И она пошла.

Тропинка к ручью была знакомой — они ходили сюда с матерью полоскать бельё. Но тогда мать держала её за руку. Теперь Ягинка шла сама. Босые ноги ступали по тёплой, утоптанной земле. В траве стрекотали кузнечики. Где-то далеко куковала кукушка.

Ручей открылся перед ней неожиданно — просто деревья расступились, и вот она уже стоит на берегу. Вода текла, огибая камни, и солнечные блики плясали на её поверхности. Ягинка села прямо на траву, обхватила колени руками и стала смотреть.

Она не просто смотрела — она **наблюдала**. Её глаза, зелёные, как молодая листва, следили за каждым движением воды. Вот вода ударилась о камень, разбилась на две струи, обтекла его с двух сторон и снова слилась в единый поток. Вот сухой лист упал с ветки, лёг на воду и поплыл — медленно, покачиваясь, как лодочка. Вот стрекоза коснулась поверхности, и от неё побежали круги — ровные, расходящиеся, постепенно затихающие.

Ягинка смотрела на круги. Они были похожи на то, что она иногда чувствовала внутри себя, но не могла выразить словами. Как будто что-то касалось её сердца — и от этого касания расходились невидимые волны.

Прошло, наверное, много времени, прежде чем она услышала голос.

— Ягинка! Ягинка, где ты?!

Голос был материнским — и в нём звенел страх. Ягинка встрепенулась и обернулась. Мать стояла на тропинке, запыхавшаяся, раскрасневшаяся. Платок сбился на плечо. В глазах — облегчение пополам с гневом.

— Ты зачем ушла?! Я весь дом обежала, всех соседей опросила! Думала, случилось что!

Ягинка смотрела на мать и не чувствовала вины. Она вообще редко чувствовала то, что чувствовали другие дети: вину, стыд, страх наказания. Не потому что была плохой — просто

её мир был устроен иначе. Она не понимала, почему мать сердится, но чувствовала, что та испугалась. И это было неприятно.

— Я смотрела на воду, — сказала она просто.

Мать подошла ближе. Она тяжело дышала. Несколько мгновений она просто смотрела на дочь — на её спокойное лицо, на босые ноги, на подол рубашонки, испачканный травой. А потом, вместо того чтобы схватить её за руку и оттащить домой, мать вдруг опустилась рядом на траву.

— Что ты там видишь? — спросила она. Голос её уже не звенел — он стал тихим, почти усталым.

— Вода не борется, — сказала Ягинка.

Мать удивлённо подняла брови.

— С кем?

— С камнем. Она его обтекает. И всё равно течёт дальше.

Мать долго молчала, глядя на дочь. Солнце освещало их обеих — высокую статную женщину и маленькую светловолосую девочку. Вода журчала. Кукушка всё куковала где-то в лесу.

— Ты странная, — сказала мать наконец. Но в её голосе не было осуждения. Скорее — удивление.

— Это плохо? — спросила Ягинка.

— Не знаю, — честно ответила мать. — Наверное, нет. Просто... другие дети так не делают.

— А я не другая. Я — я.

Мать улыбнулась — впервые за всё утро.

— Пойдём домой, маленькая. Обед стынет.

Ягинка встала, отряхнула подол рубашонки и взяла мать за руку. Ладонь у матери была тёплой и шершавой — от стирки, от работы в огороде, от бесконечных домашних дел.

Они пошли по тропинке к деревне. Солнце светило в спину. Пахло нагретой травой и дымом — где-то топили печь. Над крышами поднимались столбы дыма — ровные, спокойные.

— Мам, — сказала Ягинка, когда они уже подходили к дому.

— Что?

— А почему люди борются?

Мать остановилась. Она смотрела на дочь и не знала, что ответить.

— Потому что люди — не вода, — сказала она наконец. — Им труднее.

— А я хочу быть как вода.

Мать присела перед ней на корточки и поправила выбившуюся из-под платка прядь. Её глаза, зелёные, как у дочери, смотрели серьёзно и ласково одновременно.

— Ты — не вода, — сказала она. — Ты — моя дочь. И ты лучше воды. Ты — человек. А человек может и обтекать камни, и двигать их. Когда вырастешь — поймёшь.

Ягинка кивнула. Она не совсем поняла, но запомнила. Она всё запоминала.

Отец вернулся к вечеру.

Он работал в лесу — валил деревья для нового сруба. Высокий, широкоплечий, с густой русой бородой, в которой уже пробивалась первая седина. Руки у него были огромными, мозолистыми, и пахли смолой и древесиной. Когда он входил в избу, казалось, что сам лес заглядывает в гости.

Ягинка сидела на лавке и играла с тряпичной куклой. Увидев отца, она отложила куклу и побежала к нему. Отец подхватил её на руки, подбросил вверх. Ягинка засмеялась — тихо, как она всё делала тихо, но искренне.

— Ну что, Ягуся, — сказал он, усаживаясь за стол. — Как день прошёл?

— Я ходила к ручью, — ответила она.

Отец замер с ложкой в руке.

— Одна?

— Да.

Он перевёл взгляд на мать. Та стояла у печи, размешивая варево, и не оборачивалась.

— И ты её не наказала? — спросил он.

— А за что? — мать пожала плечами. — Она жива. Здорова. Вернулась.

— Она могла утонуть!

— Но не утонула.

Отец открыл рот, чтобы возразить, но осёкся. Он смотрел на дочь, которая спокойно сидела за столом и крошила хлеб. Потом перевёл взгляд на жену. Та встретила его взгляд спокойно и твёрдо.

— Она не такая, как другие дети, — сказала мать. — Ты сам знаешь. Её нельзя запирать. Из этого ничего не выйдет.

Отец долго молчал. Потом вздохнул и принялся за кашу.

— Ладно, — буркнул он. — Но к ручью — только если скажешься. Поняла, Ягуся?

Ягинка кивнула. Она не совсем понимала, почему отец сердится, но чувствовала: он боится за неё. Это было странно и немного грустно. Но она запомнила и это.

Ночью Ягинке не спалось.

Она лежала на полатах, укрывшись лоскутным одеялом, и смотрела в темноту. Где-то рядом дышала мать. За стеной посапывал отец. В подполе скреблась мышь. За окном стрекотали сверчки.

Ягинка прислушивалась. К сверчкам. К дыханию матери. К шороху листвы за окном.

И вдруг она **увидела**.

Не глазами — как-то иначе. Как будто внутри неё открылось что-то, чего она раньше не замечала. Тонкая, золотистая линия тянулась от матери к ней. От неё — к отцу. От отца — к двери, к порогу, к лесу, к ручью. Линия пульсировала, как живая. Она была тёплой.

Ягинка протянула руку — не физическую, а ту, которой она видела, — и коснулась линии. И линия **отозвалась**. По ней пробежала дрожь — как по струне, которую тронули пальцем.

Ягинка улыбнулась в темноте.

Она не знала, что это. Не знала, как это называется. Но она поняла: всё в мире связано. Мать, отец, она сама, лес, ручей, сверчки, звёзды — всё держится на этих золотистых нитях. И пока они целы — мир живёт.

Это было её первое знание. Первое из многих.

Она закрыла глаза и уснула. Впервые в жизни она видела сон — яркий, цветной, полный света.

Ей снился ручей. И золотые нити, которые текли вместе с водой.

Глава 2. Первая нить

В которой Ягинке исполняется семь лет, она впервые видит золотую нить и узнаёт, что её дар — не проклятие, а путь.

Прошло два года.

Ягинке исполнилось семь. Она вытянулась, похудела, но осталась такой же тихой и наблюдательной. Светлые волосы, прежде торчавшие во все стороны, теперь заплетались в две тугие косички, которые мать каждое утро перевязывала льняными тесёмками. Глаза — зелёные, как молодая листва, — смотрели на мир всё с тем же спокойным, изучающим выражением.

Она больше не убегала к ручью без спроса. Не потому что боялась наказания, а потому что дала слово отцу. Но каждое утро, покончив с нехитрыми домашними делами — подмести пол, покормить кур, натаскать воды, — она шла к ручью с матерью или одна, но обязательно сказавшись. Отец привык. Мать привыкла. Соседи привыкли. Ягинку считали странной, но безобидной.

Лето в тот год снова было жарким. Травы на лугу поднялись выше пояса, и деревенские ребятишки целыми днями пропадали на речке, что была чуть дальше ручья. Ягинка с ними не ходила. Ей хватало ручья.

В то утро она сидела на своём обычном месте — на плоском замшелом камне у воды. Камень был тёплым от солнца, и сидеть на нём было приятно. Ягинка сбросила сапожки, которые мать сплела ей из лыка, и опустила босые ноги в воду. Холод обжёг щиколотки, но она не отдёрнула ноги. Она привыкла к этому холоду.

Вода текла, как всегда. Но сегодня Ягинка заметила то, чего не замечала раньше.

На поверхности воды, там, где солнечный свет падал особенно ярко, дрожала тонкая, едва заметная линия. Не тень. Не отражение. Что-то другое. Она была золотистой, почти прозрачной, и тянулась от камня на берегу к середине ручья.

Ягинка прищурилась. Линия не исчезла. Она пульсировала — медленно, размеренно, как биение сердца. Ягинка протянула руку и попыталась коснуться её пальцем. Линия дрогнула, но не исчезла. Она была не физической — палец прошёл сквозь неё, не задев.

И тогда Ягинка поняла: она видит это не глазами. А чем-то другим. Тем самым, что открылось ей два года назад, ночью, когда она лежала на полатах и смотрела в темноту.

Она зажмурилась — и всё равно видела линию. Она светилась сквозь веки.

— Что ты там увидела? — раздался голос.

Ягинка вздрогнула и обернулась. На тропинке стояла соседская девочка — Зоря, дочь мельника. Ей было восемь, она была круглолицей, веснушчатой и очень громкой. На ней была простая льняная рубашка до колен, подпоясанная плетёным пояском, и босые ноги были по щиколотку в пыли. В руках она держала корзину с грибами.

— Чего ты там высматриваешь? — повторила Зоря, подходя ближе. — У тебя лицо такое, будто ты русалку увидела.

Ягинка помолчала. Она не знала, как объяснить. Слова для того, что она видела, ещё не существовало.

— Там линия, — сказала она наконец. — Золотая. В воде.

Зоря подошла к ручью и уставилась на воду. Она долго смотрела, прищурившись, потом пожала плечами.

— Никакой линии. Вода как вода. Тебе, наверное, показалось.

— Не показалось, — тихо сказала Ягинка.

Зоря хмыкнула, но спорить не стала. Она была доброй девочкой и, в отличие от других, не дразнила Ягинку. Просто считала её странной.

— Ладно, — сказала она. — Пойдём лучше грибы собирать. Я уже полкорзины набрала, а ты всё сидишь.

— Я потом, — ответила Ягинка. — Ещё побуду.

Зоря пожала плечами и убежала. Её босые пятки замелькали по тропинке. Ягинка осталась одна.

Она снова посмотрела на воду. Золотая линия всё ещё была там. Теперь Ягинка видела их несколько. Одна тянулась от камня к воде. Другая — от воды к дереву на том берегу. Третья — от дерева к небу, к облакам, к солнцу. Они были повсюду.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.